

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

МЕЖСЕКТОРНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ОСНОВА МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

*Ксения Евгеньевна Косыгина^а,
Юлия Викторовна Уханова^б (ukhanova4@rambler.ru)*

^а Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

^б Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

Цитирование: Косыгина К.Е., Уханова Ю.В. (2024) Межсекторное социальное партнерство как основа муниципальной публичной политики. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 192–215.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.9>. EDN: DDFPVW

Аннотация. Муниципальная публичная политика и межсекторное социальное партнерство имеет значительный потенциал для достижения поступательного развития муниципалитетов и обеспечения оптимального управления с привлечением организаций некоммерческого сектора, бизнеса и местного сообщества. В настоящем исследовании межсекторное социальное партнерство рассматривается как основа муниципальной публичной политики. Особое внимание уделено роли некоммерческого сектора в реализации общественно-государственного партнерства при формировании муниципальной публичной политики. Методологическая стратегия исследования выстроена в два этапа. На первом этапе осуществлен сбор первичной информации в рамках кабинетного исследования, включающего анализ общего нормативно-правового контекста и экономических показателей деятельности организаций некоммерческого сектора как субъекта общественно-государственного партнерства в муниципальных образованиях. На примере Вологодской области и Республики Карелия выявлены диспропорции по показателям финансового участия местных бюджетов в содействии развитию социально ориентированным НКО и доле муниципальных районов и городских округов, реализующих муниципальные программы. Республика Карелия значительно уступает Вологодской области по рассмотренным экономическим показателям. На втором этапе на основе экспертного опроса субъектов межсекторного социального партнерства и муниципальной публичной политики в г. Вологде (N=92) и г. Петрозаводске (N=109) выявлено, что по критерию восприятия деятельности некоммерческого сектора со стороны власти и бизнеса в рамках опроса фиксируются более позитивные оценки власти в Вологде, чем в Петрозаводске. Для выявления барьеров в развитии инструментов межсекторного социального партнерства с позиции самих общественников использовались материалы глубинных формализованных интервью с руководителями НКО в столичных городах исследуемых регионов (N=28). Установлено, что взаимодействие с властью на муниципальном уровне с позиции самих общественников развивается

крайне медленно и требует разработки и внедрения новых инструментов для эффективного развития.

Ключевые слова: муниципальная публичная политика, межсекторное социальное партнерство, муниципальный уровень, некоммерческий сектор, общественно-государственное партнерство, местное сообщество.

Введение

Межсекторное социальное партнерство (МСП) играет ключевую роль в разработке и реализации муниципальной публичной политики. Этот подход к управлению основывается на сотрудничестве муниципальных органов самоуправления, бизнес-структур, некоммерческих организаций и гражданского общества. Л.И. Никовская и В.Н. Якимец определяют муниципальную публичную политику как «программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества — малого и среднего бизнеса, некоммерческих и общественных организаций через их представителей» (Никовская, Якимец 2019: 30).

В современных условиях реформирования местного самоуправления, которое приводит к изменению принципов его территориально-организационного устройства и значительному урезанию его полномочий в сторону регионального управления, актуальность роли МСП как фактора внутреннего развития муниципального возрастает.

Выделяется несколько главных преимуществ МСП. Во-первых, такое партнерство позволяет объединить ресурсы и экспертные знания представителей разных сфер в целях совместной работы над социальными проблемами и развитием инфраструктуры муниципальных образований. Во-вторых, партнерство способствует лучшему пониманию интересов различных групп местного сообщества, повышению уровня институционального доверия, создавая условия для общественного диалога (Mosley, Wong 2021). Муниципалитеты могут включить представителей бизнеса, некоммерческих организаций и гражданских инициатив в процесс принятия решений, чтобы учесть их мнения и потребности. Взаимодействие способствует улучшению коммуникации, разрешению конфликтов и созданию общего видения будущего развития (Andrews, Entwistle 2010; Никовская, Молокова 2017). Благодаря этому совместные инициативы становятся более успешными и устойчивыми в долгосрочной перспективе, а программы, разработанные на основе МСП, более реалистичными, сбалансированными, что отвечает требованиям реализации муниципальной публичной политики.

Таким образом, МСП как основа муниципальной публичной политики имеет значительный потенциал для достижения поступательного развития муниципалитетов. Этот подход способствует формированию сильных и ответственных местных сообществ и гарантирует более справедливое, устойчивое и процветающее будущее для муниципальных образований. В связи с высокой практической значимостью исследование МСП и муниципальной публичной политики выступает перспективным направлением, учитывая современные условия неопределенности, сложившиеся под влиянием внутренних и внешних факторов.

Теоретические аспекты исследования

Проблема МСП привлекла внимание исследователей из зарубежных стран в конце 1960-х годов в период либеральных реформ. В России углубленное изучение данной проблематики началось со второй половины 1990-х годов, что связано с историческим процессом и особенностями национального развития. С переходом к рыночной экономике в российском обществе оформились три самостоятельных сектора — государственный, частный (коммерческий), добровольно-общественный, или некоммерческий, и открылись возможности для их взаимодействия.

Значительный вклад в разработку фундаментальных основ и изучение институциональной среды построения МСП внесли российские ученые В.Н. Якимец, Л.И. Никовская, Л.И. Якобсон, А.Ю. Сунгуров, С.П. Перегудов. Исследователями, а также практиками признано, что сотрудничество различных секторов общества является неотъемлемой частью территориального развития и системы регионального и муниципального управления (Kolk, van Dolen, Vock 2010; Clarke, Crane 2018; Авдеева 2018; Киричек 2017; Шулепов, Задумкин, Щербакова 2020; Уханова 2023).

Так, с точки зрения совместного управления Э. Ансари трактует межсекторное социальное партнерство как согласованное программирование и совместную разработку политики в области здравоохранения, социальной сферы и образования» (Ansari 2005), что соотносится с рамками публичной политики. Сущность межсекторного социального партнерства, по определению В.Н. Якимца и Л.И. Никовской, состоит в «конструктивном взаимодействии организаций государственного, бизнес- и некоммерческого секторов при решении социальных проблем, выгодном населению территорий и каждой из сторон, обеспечивающем синергетический эффект от сложения ресурсов» (Якимец, Никовская 2018). Следовательно, с позиции управленческого процесса МСП — это согласованное программирование и совместная разработка социальной политики при участии всех секторов общества.

Публичная политика рассматривается учеными в ракурсе концепции «непрямого государственного управления» (new governance theory), которая в процесс принятия решений закладывает использование горизонтальных социально-управленческих связей государства и общества (Lane 2000; Nisar 2012; Сморгунов 2022) и основывается на концепции активного гражданского участия (Ekman, Amnå 2012; Glass, Newig 2019; Уханова 2022). В свою очередь, муниципальная публичная политика предполагает решение вопросов, связанных с управлением городскими и сельскими территориями, обеспечением коммунальных услуг, развитием инфраструктуры, защитой окружающей среды и другими вопросами, относящимися к местному уровню. Она базируется на консенсусе и компромиссе между различными субъектами территориального развития (Фельдман 2016).

Важной научно-практической задачей является понимание субъектной инфраструктуры муниципальной публичной политики и межсекторного социального партнерства, которая схожа по своим характеристикам. Исходя из трехсекторной модели общества, субъекты муниципальной публичной политики (МПП) и МСП представлены на рисунке 1.

При этом необходимо учитывать, что по критерию вовлеченности субъектов в решение социально значимых вопросов своей территории и формированию публичной «повестки дня» их взаимодействие осуществляется на трехсторонней и двухсторонней основе. Двухстороннее сотрудничество проявляются в следующих типах отношений: «государство — бизнес», «государство — общество» и «бизнес — общество» (Косыгина 2020).

Одним из субъектов общественно-государственного партнерства выступает некоммерческий сектор, который в узком понимании сводится к функционированию зарегистрированных некоммерческих организаций. Данный тип отношений характеризуется прямым участием этих

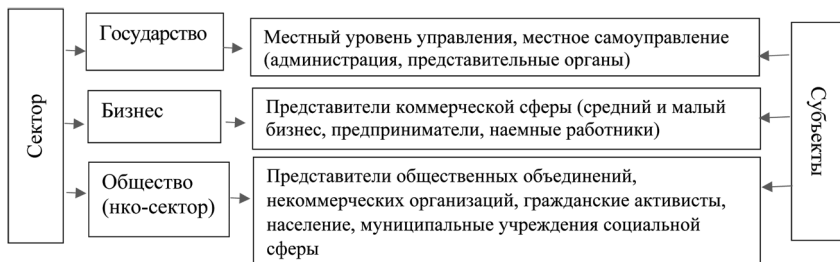

Рис. 1. Субъекты МПП и МСП по трехсекторной модели общества

организаций в качестве партнера государства в создании социальных благ и услуг. В российских и зарубежных исследованиях выделяются преимущества некоммерческого сектора с точки зрения совместного управления и реализации публичной политики, которые заключаются в следующем:

- общественные организации являются каналом артикуляции интересов местного сообщества (Никовская, Молокова 2018);
- они создаются по инициативе граждан и предполагают их интеграцию для решения социальных проблем и получения общественных благ / оказания социальных услуг (Salamon, Toepler 2015; Косыгина 2021);
- некоммерческие организации, работающие на местах, имеют непосредственный опыт и знания относительно того, какие способы, инструменты, механизмы решения проблем будут работать, а какие нет (Мерсиянова, Беневоленский 2016; Ressler et al. 2021);
- способность к мобилизации дополнительных ресурсов в виде частных пожертвований и добровольцев, федерального финансирования, софинансирование новых производств и услуг за счет частных и бюджетных средств (Casey 2015; Григорьева, Парфенова 2021);
- преимущество для государственного сектора в вопросе передачи предоставления социальных услуг внебюджетным организациям состоит в отсутствии необходимости инвестировать в основные средства, в отличие от учреждений, материальная база которых полностью находится на балансе бюджета (Василенок, Полищук, Шагалов 2019);
- поощрение «социального капитала» и социальной гармонии в местном сообществе, рост уровня межличностного доверия (Edwards, Foley, Dianì 2021; Гужавина 2020);
- повышение институционального доверия к органам управления (Putnam 2000).

Таким образом, вместе концепции МПП и МСП образуют основы современного управления и развития местного сообщества. На первый взгляд в научной литературе часто понятия «межсекторное социальное партнерство» и «публичная политика» используются как взаимозаменяемые, что показывает и общность субъектной структуры. Однако категория публичной политики выступает рамочной, а межсекторного социального партнерства – инструментальной. Сущность муниципальной публичной политики заключается в создании рамок и правил, внутри которых осуществляется взаимодействие граждан, предпринимателей и органов власти, обеспечивая развитие муниципальных образований. Муниципальная публичная политика опирается на использование инструментов МСП.

Учитывая выявленные преимущества, сотрудничество некоммерческого сектора и местных органов власти имеет большое значение для обеспечения оптимального управления на муниципальном уровне. Однако остаются открытыми вопросы о реальной ситуации в регионах и муниципалитетах и о степени включенности НКО в процесс управления на местах. Эти вопросы заслуживают углубленного исследования непосредственно в территориальных сообществах, что и отражается в результатах настоящего обсуждения.

Методология, данные и методы

Изучение МСП в рамках муниципальной публичной политики осуществлялось в два этапа.

На первом этапе был осуществлен сбор первичной информации в рамках кабинетного исследования, включающего анализ нормативно-правового поля федеральной, региональной и муниципальной политики, отчетов органов власти, опубликованных в сети Интернет за 2018–2023 гг. Для исследования отобраны два региона СЗФО — Вологодская область и Республика Карелия и их муниципальные образования (столичные города) — города Вологда и Петрозаводск, где по нашей гипотезе будут отличаться особенности и условия реализации механизмов МСП.

На втором этапе с целью выявления состояния МСП в части взаимодействия представителей муниципальной власти и НКО в сентябре-октябре 2023 г. проведен экспертный опрос субъектов межсекторного социального партнерства и муниципальной публичной политики в г. Вологде (N=92) и г. Петрозаводске (N=109). Экспертами выступили представители власти (местный уровень управления) некоммерческого сектора (общественные объединения и некоммерческие организации, муниципальные учреждения социальной сферы) и бизнеса (предприниматели, наемные работники). Согласно авторскому инструментарию (разработан Л.И. Никовской и В.Н. Якимцом) эксперты высказывали свое отношение к позитивному утверждению, характеризующему деятельность общественных и некоммерческих организаций в сфере предоставления услуг населению, проведения экспертизы и общественного контроля деятельности власти.

Кроме того, для выявления барьеров в развитии принципов МСП с позиции самих общественников используются материалы глубинных формализованных интервью (проведены авторами по специально разработанному гайду) с руководителями НКО в столичных городах исследуемых регионов (N=28, февраль-сентябрь 2023 г.).

Результаты исследования

Некоммерческий сектор как субъект общественно-государственного партнерства на муниципальном уровне: нормативно-правовой контекст и экономические показатели

Рамки общественно-государственного партнерства закреплены в федеральном законодательстве — ФЗ «Об общественных объединениях» (от 19.05.1999 № 82), «О некоммерческих организациях» (от 12.01.1996 № 7), «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» (от 05.04.2010 № 40). Согласно условиям, очерченным в правовом поле, взаимодействие строится преимущественно на основе государственной поддержки с использованием различных форм и инструментов. Например, государственные и муниципальные гранты (субсидии) на реализацию социально значимых проектов; выполнение работ в рамках муниципального/государственного заказа; имущественная и консультативная помощь. Отмеченные инструменты направлены на поддержку социально ориентированных НКО (СОНКО) как особой группы организаций, занимающихся решением социальных проблем и оказанием услуг населению и получивших такой статус начиная с 2010 г. В рамках Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» Правительству РФ поручено «предусмотреть, начиная с 2013 года, меры, направленные на увеличение поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»¹.

Среди регионального законодательства, регулирующего функционирование СОНКО, особое место занимают нормативно-правовые акты программного характера, которые задают общий вектор политики в том или ином субъекте РФ по развитию приоритетных направлений общественной сферы. С 2013 г. реализуются региональные и муниципальные программы по поддержке СОНКО. В Вологодской области — государственная программа «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 годы» (продлена до 2025 г. — Постановление Правительства области от 27.05.2019 № 491); в Республике Карелия — государственная программа «Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления,

¹ О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 [<http://base.garant.ru/70170950/>] (дата обращения: 14.08.2023 г.).

защита прав и свобод человека и гражданина» (Постановление Правительства республики от 19 декабря 2013 г. № 365). В целом в России на протяжении последних десятилетий государством активно создаются правовые нормы, стимулирующие вовлеченность организаций некоммерческого сектора в решение задач социальной политики и социального обслуживания населения.

Сформировавшимся трендом в области отношений государства и общества следует признать выход проблематики на уровень муниципалитетов. По данным Минэкономразвития РФ, муниципальные программы по поддержке СОНКО на 2018 г. были приняты в 41 % муниципальных образований, на 2019 г. — в 46 %, в 2021 г. доля муниципальных районов и городских округов, реализующих мероприятия по поддержке СОНКО, в общем количестве муниципальных районов и городских округов составила 38 %. Однако в 2022 г. наблюдается рост показателя до 45 %. При этом общий объем субсидий, предоставленных местными бюджетами из регионов на цели реализации муниципальных программ поддержки СОНКО, увеличился практически в два раза, как и число регионов, оказывающих данный вид поддержки (табл. 1).

Таблица 1

**Предоставление местным бюджетам из бюджета субъекта
Российской Федерации средств на реализацию
муниципальных программ поддержки СОНКО, 2018–2022 гг.**

	2018	2019	2020	2021	2022
Количество регионов, ед.	20	24	31	25	32
Объем переданных средств местным бюджетам из регионального бюджета, млрд руб.	3,35	2,99	4,80	5,20	5,85

Несмотря на положительную динамику передачи средств из региональных бюджетов местным бюджетам на реализацию муниципальных программ поддержки СОНКО, на уровне муниципалитетов ощутима нестабильность финансирования деятельности СОНКО, что видим на примере Северо-Западного федерального округа. Установлено, что за пять лет (2018–2022) по ассигнованиям из бюджетных источников на местах наблюдается прирост во всех регионах округа. В 2022 г. по отношению к предыдущему году в четырех регионах СЗФО финансирование СОНКО из местных бюджетов уменьшается. Среди субъектов федерального округа в наибольшей степени сократившим бюджетное субсидирование СОНКО на местах выделяется Республика Карелия (– 62 %). В Вологодской области темпы прироста также снижаются. Вместе с тем объем бюджетных

средств, выделяемый на муниципальные программы для СОНКО, в Республике Карелия значительно меньше (в 16 раз), чем в Вологодской области (табл. 2).

Таблица 2

**Информация о финансировании СОНКО в России
из муниципальных (местных) бюджетов в 2018–2022 гг.**

Территория	2018	2019	2021	2022	Темп прироста, %, 2022 к	
					2018	2021
РФ	7 940 535	9 203 199	10 918 765	12 272 202	55	12
СЗФО	748 499	897 020	1 277 229	1 417 101	89	11
Республика Карелия	15 438	17 099	43 202	16 499	7	–62
Республика Коми	11 667	14 801	15 472	15 352	32	–1
Архангельская область	51 072	69 158	86 869	102 768	101	18
Вологодская область	152 873	197 117	245 638	272 117	78	11
Калининградская область	36 843	40 166	52 668	139 357	278	165
Ленинградская область	87 817	129 976	135 478	166 290	89	23
Мурманская область	33 043	47 748	144 399	140 230	324	–3
Новгородская область	3032	4690	5426	27 155	796	400
Псковская область	14 354	15 858	30 462	15 547	8	–49
Санкт-Петербург	342 360	360 407	517 615	521 786	52	1

Источник: данные ЕМИСС. Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций — итоги выборочного статистического наблюдения. Раздел 1.32.18 [<https://www.fedstat.ru/organizations>] (дата обращения: 11.08.2023).

Объясняя диспропорции в финансировании некоммерческого сектора на муниципальном уровне, следует отметить, что местные бюджеты формируются на основе различных приоритетов, потребностей и доходов. С учетом этого распределение средств для СОНКО неравномерно и зависит от специфических условий каждого региона и его муниципалитетов. Различия в финансировании некоммерческих организаций из местных бюджетов в Вологодской области и Республике Карелия могут объясняться влиянием экономических и социальных факторов. Вологодская область является промышленным регионом с развитой промышленной базой, большей доходной частью бюджета и уровнем ВРП, в то время как в Республике Карелия данные показатели ниже. Из-за такой разницы в экономическом развитии доходы и возможности регионального и местных бюджетов в Вологодской области выше по сравнению с Республикой

Карелия. Кроме того, социально-демографические факторы также могут влиять на различия в финансировании СОНКО. Вологодская область имеет более высокую плотность населения и более развитую муниципальную инфраструктуру, что предполагает большую потребность в услугах СОНКО и соответственно их большее финансирование. В то время как в Республике Карелия может сформироваться меньшая потребность в финансировании СОНКО из-за более низкой социальной активности жителей или недостатка ресурсов для их поддержки.

Одной из причин различий в финансировании является количество и разнообразие СОНКО в регионе: в Вологодской области действует 1193 СОНКО, а в Республике Карелия незначительно меньше — 923.

Также неравномерность в финансировании, вероятно, связана с принимаемыми политическими и административными решениями в каждом регионе. Разные властные структуры и установленные приоритеты развития могут влиять на распределение бюджетных средств и соответственно на финансирование организаций некоммерческого сектора.

Значительная разница между Республикой Карелией и Вологодской областью в сфере финансирования муниципальных программ подтверждается данными ежегодного рейтинга субъектов РФ по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства. В Вологодской области с 2018 г. фиксируется поступательный рост по доле районов и округов, реализующих данные программы, в их общем количестве. На 2022 г. показатель достиг практически 90 %. Напротив, в Карелии не наблюдается положительных сдвигов, а процесс характеризуется стагнацией, в 2022 г. в регионе отсутствуют муниципальные районы и округа, осуществляющие программы по поддержке СОНКО (табл. 3).

Таблица 3

Доля муниципальных районов и городских округов, реализующих муниципальные программы по поддержке СОНКО, в общем количестве муниципальных районов и городских округов в субъекте РФ (%)

	2018	2019	2020	2021	2022
Республика Карелия	5,56	5,56	5,56	5,56	0
Вологодская область	7,14	н/д	42,86	78,57	89,29

Источник: Результаты расчета рейтинга субъектов РФ по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере.

Детализированное рассмотрение муниципальных программ в Вологодской области свидетельствует о неравномерности бюджетных возможностей, выделяемых на содействие развитию СОНКО, в разрезе крупных городских округов (г. Вологда и Череповец) и малых, преимущественно сельских территориальных образований. Например, в Вожегодском муниципальном округе финансирование программы на 2023 г. составляет 376,0 тыс. руб.; Кирилловском — 504,2 тыс. руб.; в Кадуйском — 950,0 тыс. руб.¹ При этом в Вологде на создание условий для участия социально ориентированных некоммерческих организаций в решении вопросов местного значения выделяется 1200,0 тыс. руб.; в крупном экономически развитом промышленном центре региона г. Череповце из бюджета на совершенствование деятельности СОНКО и общественных объединений направляется 2656,0 тыс. руб.

В то же время углубленный анализ муниципальных программ на примере Вологодской области показал, что на настоящем этапе преобразований в сфере партнерства органов местного самоуправления и организаций некоммерческого сектора отсутствует единая методика и подход к инструментам выстраивания этих отношений, в том числе финансовых. В некоторых районах и городских округах (г. Вологда, Череповец, Шекснинский муниципальный район, Тотемский муниципальный округ и др.) субсидии распределяются на конкурсной основе, однако они осложнены громоздкой процедурой подачи заявки и предоставления отчетности о выполнении проектов на бумажных носителях при незначительных выделяемых суммах на социально значимые проекты, а также принятые документы в ряде случаев не обеспечивают объективность и прозрачность отбора. Часть муниципальных образований предоставляет помощь СОНКО (включая безвозмездное имущественное и материально-техническое обеспечение работы) вне конкурсных процедур, преимущественно сетевым общественным организациям, имеющим зонтичную структуру, сформировавшимся в советское и постсоветское время и традиционно получающим поддержку от органов управления территорией. К такому типу организаций относятся, например, Всероссийское общество инвалидов с отделениями на местном уровне.

¹ Муниципальная программа «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Вожегодском муниципальном районе на 2020–2025 годы»; муниципальная программа «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Кадуйском муниципальном районе Вологодской области на 2021–2025 годы» и др.

В то же время при реализации инструментов межсекторного партнерства наблюдается формальный подход со стороны органов местного самоуправления и самих некоммерческих организаций. Информация одного из сайтов администрации муниципального района о результатах конкурса по отбору СОНКО для предоставления субсидии из местного бюджета свидетельствует, что «на конкурс поступила 1 заявка от районной организации общероссийской организации Всероссийского общества инвалидов с проектом (программой) “Социальная адаптация инвалидов и их семей»... Конкурсная комиссия рассмотрела и оценила проект. Комиссией принято решение предоставить субсидию в размере 45 000 рублей» (информация с официального сайта муниципального района N, Вологодская область). Отметим, что в данном районе принята муниципальная программа и объем финансового обеспечения ее в 2023 г. составляет 45,0 тыс. руб.

Безусловно, существуют объективные причины формального подхода, которые обсуждаются в исследованиях: отсутствие ресурсов в бюджетах (Кожевников, Ворошилов, Секушина 2021); низкая активность СОНКО и их малое количество в небольших муниципальных образованиях (Чернега 2020); необходимость решения более важных задач обеспечения жизнедеятельности местного сообщества (Пространственное развитие малых городов... 2020); требования по исполнению программ со стороны органов власти федерального и регионального уровня в соответствии с принятыми нормативными актами (Заболотная, Ларионов 2017).

Тем не менее организации некоммерческого сектора не только получают помощь от государства и местных органов управления, но и вносят свой вклад в развитие территорий и являются участниками соуправления. Как показывает проведенная оценка текстов муниципальных программ и проектов социально ориентированных НКО Вологодской области, они направлены на различные сферы деятельности и предоставление социальных услуг, основными из которых являются социальная поддержка уязвимых слоев населения, малоимущих граждан и их семей, повышение качества жизни людей пожилого возраста, социальная адаптация инвалидов; развитие добровольчества и гражданской активности в рамках муниципальных округов и районов, в том числе вовлеченности молодежи в решении социальных проблем территорий; правовое просвещение и информирование населения; поддержка местных историко-культурных инициатив и здорового образа жизни.

Таким образом, анализ приведенных данных и документов показывает, что, с одной стороны, участие некоммерческого сектора в качестве партнера государства в создании общественных благ привлекает в соци-

альную сферу муниципальных образований дополнительные финансовые ресурсы из региональных бюджетов, что особо важно в условиях ограниченности бюджетов муниципалитетов. С другой стороны, СОНКО представляется возможность проявить себя в качестве социально ответственного субъекта хозяйствования и актора выстраивания социальной политики на локальном уровне, что является преимуществом некоммерческого сектора при реализации муниципальной публичной политики. В то же время исследование показывает, что на местном уровне процесс взаимовыгодного партнерства находится в стадии формирования и существуют риски для его дальнейшего развития. На примере Вологодской области и Республики Карелия выявлены диспропорции по показателям финансового участия местных бюджетов в содействии развитию СОНКО и доле муниципальных районов и городских округов, реализующих муниципальные программы. Республика Карелия значительно уступает Вологодской области по рассмотренным экономическим показателям. В целом характер сложившихся отношений между НКО и государством, органами муниципального управления тяготеет к ведущей роли последних, так как власть выступает распределителем финансовых средств и задает направления в поддержке социальных инициатив в муниципальных образованиях, что соответствует устоявшейся в российской практике патрон-клиентской модели взаимодействия (Горный 2011). Также в отношениях присутствует формальный подход и не урегулированы процедурные вопросы сотрудничества.

Результаты эмпирических исследований

С целью оценки развития принципов МСП в части взаимодействия органов муниципальной власти и НКО обратимся к анализу данных экспертного опроса, осуществленного в столичных городах выбранных субъектов — Вологде и Петрозаводске.

В Петрозаводске в суждениях всех трех групп респондентов относительно эффективности работы НКО оценки преимущественно позитивные. Среди представителей органов местного самоуправления 72 % отмечают, что общественные организации в их муниципальном образовании оказывают социальные услуги населению, взаимодействуют с властью в вопросах экспертизы и контроля. Схожая доля оптимистичных оценок у «коллег по цеху». По самооценкам, НКО представляют себя реальным субъектом социальной деятельности на территории и партнером органов управления при реализации муниципальной политики (74 % ответили, что предложенное утверждение частично или полностью соответствует действительности). Обращают на себя внимание мнения группы респон-

дентов от малого и среднего бизнеса. Они менее позитивно оценивают работу НКО в Петрозаводске: 40 % считают, что эти организации не играют значимой роли в социальном обслуживании, общественной экспертизе, не влияют на принятие решений властью, т.е. не выполняют присущих им функций (табл. 4).

Результаты исследования по г. Вологде показывают, что некоммерческий сектор более критично относится к своей деятельности, чем его оценивают представители местных органов управления территорией. Придерживаются мнения о том, что утверждение «общественные и некоммерческие организации реально предоставляют социальные услуги населению, проводят общественную экспертизу проектов решений и контролируют деятельность власти» полностью или в целом соответствует действительности 63 % представителей власти и 47 % респондентов от организаций некоммерческого сектора. Можно предположить, что общественные организации в Вологде не в полной мере воспринимают себя как субъекта межсекторного социального партнерства, политической и социальной деятельности в муниципалитете. Представители бизнеса отличаются низким уровнем оценок работы организаций некоммерческого сектора в городе (табл. 4).

Таблица 4

Оценка деятельности организаций некоммерческого сектора субъектами межсекторного социального партнерства*

Варианты ответа	Петрозаводск			Вологда		
	Власть	НКО	Бизнес	Власть	НКО	Бизнес
Совсем не соответствует, не соответствует	27,7	25,6	40,0	18,5	23,5	30,4
Частично соответствует	27,8	22,9	26,7	18,5	29,3	33,3
В целом соответствует, полностью соответствует	44,5	51,5	33,3	62,9	47,2	27,3
Средний балл	3,22	3,57	3,00	3,63	3,28	2,24
* Распределение ответов на суждение «общественные и некоммерческие организации реально предоставляют социальные услуги населению, проводят общественную экспертизу проектов решений и контролируют деятельность власти», в %, средний балл по пятибалльной шкале. Источник: экспертный опрос, 2023 г.						

На основе анализа материалов интервью с руководителями НКО Вологды и Петрозаводска выявим ключевые барьеры в реализации механизмов МСП с позиции самих общественников.

Выше отмечалось, что в России на федеральном и региональном уровне в правовом поле закреплены особенности гражданско-правового положения некоммерческих организаций в РФ, возможные формы поддержки некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления. В то же время выявляется, что в российском законодательстве чаще всего речь идет именно о государственной поддержке НКО, однако отсутствуют инструменты участия НКО в законотворческом процессе, лоббирования своих интересов на муниципальном уровне.

Интересна в этой связи позиция непосредственно руководителей некоммерческих организаций: данные экспертных интервью демонстрируют, что основные положения критики с их стороны обусловлены слабым регулированием организационно-правовых форм некоммерческих организаций, отсутствием однозначных правил игры в отношении грантовой поддержки, чрезмерными требованиями к отчетности, отсутствием действенных закреплённых механизмов для продвижения интересов.

На основе интервью с руководителями НКО выявляются административно-организационные барьеры, такие как чрезмерный контроль со стороны властей на всех этапах реализации деятельности некоммерческой организации, что приводит к формированию у НКО с местной властью не партнерских, диалоговых отношений, а вертикальных, строго иерархических отношений господства/подчинения. Сюда же относится отсутствие интереса и стратегического понимания важности участия со стороны представителей местной власти, а также в ряде случаев нехватка профессиональных навыков, знания, опыта специалистов государственных и муниципальных структур в выстраивании взаимодействия с общественностью.

Как отмечают эксперты, такая ситуация во многом обусловлена общим непониманием механизмов общественно-государственного партнерства:

Сейчас же все органы власти заставляют сотрудничать с общественными организациями. Они сотрудничают, но многие недопонимают... общественную деятельность, у них все не так, у них все четко, приказы.

Сложности во взаимоотношениях с органами власти порождают целый ряд проблем, связанных с сокращением институциональных возможностей для общественной активности. С одной стороны, это приводит к разрушению мотивации к общественной деятельности и общему недоверию как к власти, так и к институтам гражданского общества, с другой — к гипертрофированному страху власти перед любыми формами социального недовольства (Задорин, Зайцев 2011).

Взаимодействие власти и НКО на муниципальном уровне крайне важно для выработки наиболее оптимальных и эффективных путей решения острых социальных проблем. Как показало проведенное исследование, мнения относительно существующих форм сотрудничества зачастую являются полярными: некоторые общественные объединения выстроили систему взаимовыгодной кооперации с другими акторами, другие — испытывают сложности в работе с органами власти или коммерческими предприятиями:

Президент пишет: поддерживать активность граждан России, помогать им, только в консолидации народа и власти мы можем победить наши проблемы. Этой консолидации я вообще не вижу.

По мнению общественников, «не все во власти готовы к этой роли (взаимодействовать с общественниками), иногда они мыслят слишком узко»; «им лишь бы ничего не делать».

Еще один пласт барьеров обусловлен недостаточным развитием информационной базы для МСП. Анализ показал, что информационные барьеры воздвигаются как при вертикальном взаимодействии с органами власти, так и самими активистами. Серьезным ограничением на пути вертикального взаимодействия в процессе гражданского участия выступает то, что информация поступает дозированно или по определяемым органами власти каналам (например, относительно таких форм гражданского участия, как общественные слушания и общественные обсуждения, публичные отчеты власти). Другой проблемой является то, что «вертикальная власть спускает нам циркуляры, которые могут быть непонятны гражданскому обществу».

В силу слабой осведомленности НКО не пользуются тем спектром законодательных возможностей и инструментов, которые находятся в их распоряжении:

Если бы они активно участвовали в обсуждении городского плана, изменения планов городской застройки, а также участвовали бы во всех мероприятиях, куда публично все приглашаются, то проблемы не было бы вообще. Каналы есть, их слушают, протоколируют, и, конечно, все учитывается.

Это актуализирует необходимость разъяснительной работы, связанной с просвещением, информированием НКО о тех возможностях, которые им доступны в плане решения общественных проблем.

Заключение

Сравнение двух центральных городов исследуемых регионов по критерию восприятия деятельности некоммерческого сектора со стороны

власти и бизнеса в рамках опроса фиксирует более позитивные оценки власти в Вологде, чем в Петрозаводске. При этом количественные экономические показатели свидетельствуют о том, что инструменты партнерства между некоммерческим сектором и органами управления на местах также более развиты в Вологодской области, чем в Республике Карелия.

Обобщая полученные данные в целом при реализации общественно-государственного партнерства важно сфокусировать внимание на следующем моменте. Если в 2012–2013 гг., когда был дан старт реформе некоммерческого сектора и в федеральных приоритетных документах ставилась задача привлечения социально ориентированных некоммерческих организаций к реализации социальной политики, в том числе на муниципальном уровне, в исследованиях выявлялись признаки недоверия, непонимания сути и роли поддержки некоммерческих организаций во взаимоотношениях с региональными и местными властями (Ефремов 2013), то за десять лет этот разрыв сократился. Как показало исследование, субъект партнерства «власть» высоко оценивает вклад организаций некоммерческого сектора в социальное развитие и публичное взаимодействие.

В целом следует заключить, что несмотря на наличие успешных практик включения НКО совместно с властью в решение социальных проблем на местах, подобное взаимодействие на муниципальном уровне с позиции самих общественников развивается крайне медленно и требует разработки и внедрения новых инструментов для эффективного развития.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФНИСЦ РАН на 2023 г. по теме «Муниципальная публичная политика в России — 2023: возможности выстраивания местных партнерских институтов и механизмов в рамках единой публичной власти».

Литература

Авдеева Т.Т. (2018) Особенности формирования межсекторных взаимосвязей в сельской экономике. *РППЭ*, 12(98): 48–55.

Василенок Н.А., Полищук Л.И., Шагалов И.Л. (2019) Общественно–государственное партнерство: теория и российские практики. *Общественные науки и современность*, 2: 35–51.

Горный М.Б. (2011) Взаимодействие некоммерческих организаций и органов власти: сравнительный анализ законодательства. *Журнал исследований социальной политики*, 2: 219–232.

Григорьева И.А., Парфенова О.А. (2021) Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социаль-

ного обслуживания: барьеры и возможности. *Журнал исследований социальной политики*, 1: 7–22.

Гужавина Т.А. (2020) Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 1: 91–203. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.11>.

Ефремов С.В. (2013) Оценка готовности региональных органов власти привлекать независимых поставщиков социальных услуг. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1: 91–109.

Заболотная Г.М., Ларионов А.В. (2017) Региональные практики институционализации негосударственных поставщиков социальных услуг. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3: 72–91.

Задорин И.В., Зайцев Д.Г., Климов И.А. (2011) Гражданское участие в России: картография проблем и решений. *Полития*, 2011, 1: 98–116.

Киричек А.И. (2017) Механизмы взаимодействия власти с субъектами гражданского общества при организации межсекторного социального партнерства в субъектах Российской Федерации. *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*, 3(83): 44–58.

Кожевников С.А., Ворошилов Н.В., Секушина И.А. (2021) Муниципальные образования региона: проблемы и пути саморазвития. Вологда: Вологодский научный центр РАН.

Косыгина К.Е. (2020) Межсекторное взаимодействие: типы отношений и тенденции развития в современном российском обществе. *Проблемы развития территории*, 6(110): 50–66. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.4>.

Косыгина К.Е. (2021) Деятельность некоммерческих организаций в контексте теории коллективных действий. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, 1: 18–34. <https://doi.org/10.37279/2413-1709-2021-7-1-18-34>.

Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. (2016) Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 4: 7–26.

Никовская Л.И., Молокова М.А. (2017) Роль межсекторного партнерства в реализации потенциала социального государства в России. *Власть*, 11: 1–37.

Никовская Л.И., Молокова М.А. (2018) Социальное государство и социальная политика: вызовы для некоммерческого сектора. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3 (56): 74–79.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. (2019) Местное самоуправление и муниципальная публичная политика: особенности и проблемы развития на современном этапе в России (по материалам социологического исследования). *Социально-политические исследования*, 3: 25–35. <https://doi.org/10.24411/2658-428X-2019-10509>.

Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики (2020) М. Ф. Черныш, В. В. Маркин [и др.]; предисл. М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020>.

Сморгунов Л.В. (2022) Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой. *Политическая наука*, 3: 100–121.

Уханова Ю.В. (2022) *Гражданское участие территориального сообщества: теоретические основы и практическое развитие*. Вологда: ВолНЦ РАН.

Уханова Ю.В. (2023) Межсекторное социальное партнерство как основа развития малых территорий: возможности и риски. *Местное право*, 2: 33–43.

Фельдман М.А. (2016) Повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и институтов гражданского общества в регионе: институциональные аспекты. *Социум и власть*, 4(60): 37–42.

Чернега А.А. (2020) «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(3): 51–77. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.3>.

Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. (2020) Роль социального партнерства в развитии городов и механизмы его формирования. *Проблемы развития территории*, 4 (108). [<https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnogo-partnerstva-v-razviti-i-gorodov-i-mehanizmy-ego-formirovaniya>] (дата обращения: 10.10.2023).

Якимец В.Н., Никовская Л.И. (2018) Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления. *Власть*, 4: 15–25.

Andrews R., Entwistle T. (2010) Does cross-sectoral partnership deliver? An empirical exploration of public service effectiveness, efficiency, and equity. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 20(3): 679–701.

Ansari E. (2005) Collaborative research partnerships with disadvantaged communities: Challenges and potential solutions. *Public health*, 119: 758–770. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2005.01.014>.

Casey J. (2015) *The Nonprofit World — Civil Society and the Rise of the Nonprofit Sector*. Boulder; L.: Kumarian Press.

Clarke A., Crane A. (2018) Cross-sector partnerships for systemic change: Systematized literature review and agenda for further research. *Journal of Business Ethics*, 150: 303–313.

Edwards B., Diani M., Foley M.W. (eds.) (2001) *Beyond Tocqueville: Civil Society and the Social Capital Debate in Comparative Perspective*. Hanover; L.: University Press of New England, Series on Civil Society.

Ekman J., Amnå E. (2012) Political Participation and Civic Engagement: Towards A New Typology. *Youth & Society (YeS)*, 22: 283–300.

Glass L., Newig J. (2019) Governance for achieving the Sustainable Development Goals: How important are participation, policy coherence, reflexivity, adaptation and democratic institutions? *Earth System Governance journal*, 2: 100–130.

Mosley J.E., Wong J. (2021) Decision-Making in Collaborative Governance Networks: Pathways to Input and Throughput Legitimacy. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 31: 328–345. <https://doi.org/10.1093/jopart/muaa044>.

Kolk A., van Dolen W., Vock M. (2010) Trickle Effects of Cross-Sector Social Partnerships. *Journal of Business Ethics*, 94: 123–137. <https://doi.org/10.1007/s10551-011-0783-3>.

Lane J. (2000) *New Public Management*. L.: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203467329>.

Nisar R. (2012) Governance: With Pro-People Approach. *The Indian Journal of Political Science*, 4(73): 657–664.

Putnam R.D. (2000) *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon & Schuster.

Ressler R.W. et al. (2021) Nonprofits: A Public Policy Tool for the Promotion of Community Subjective Well-being. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 31(4): 822–838. <https://doi.org/10.1093/jopart/muab010>.

Salamon L.M., Toepler S. (2015) Government — nonprofit cooperation: Anomaly or necessity? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 26(6): 2155–2177.

CROSS-SECTOR SOCIAL PARTNERSHIP AS THE BASIS OF MUNICIPAL PUBLIC POLICY

Ksenia E. Kosygina^a,

Yulia V. Ukhanova^b (ukhanova4@rambler.ru)

^a Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Citation: Kosygina K.E., Ukhanova Yu.V. (2024) Mezhsektornoye sotsial'noye partnerstvo kak osnova munitsipal'noy publichnoy politiki [Cross-sector social partnership as the basis of municipal public policy]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 192–215 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.9>. EDN: DDFPVW

Abstract. Municipal public policy and cross-sector social partnership have significant potential for achieving the progressive development of municipalities and ensuring optimal management with the involvement of the non-profit sector organizations, business and the local community. In this study cross-sector partnership is considered as the basis of municipal public policy. The paper pays particular attention to the role of the non-profit sector in the implementation of public-state partnership in the formation of municipal public policy. The methodological strategy of the study is built in two stages.

At the first stage, as part of a desk study the authors have collected primary information including an analysis of the general regulatory context and economic indicators of the activities of the non-profit sector organizations as subjects of public-state partnership in municipalities. Using the example of the Vologda region and the Republic of Karelia, the authors identify disproportions concerning financial participation of local budgets in promoting the development of socially oriented NPOs and the share of municipal districts and urban districts implementing municipal programs. The Republic of Karelia is significantly inferior to the Vologda region in terms of the considered economic indicators. At the second stage, based on an expert survey of subjects of cross-sector social partnership and municipal public policy in the city of Vologda (N=92) and Petrozavodsk (N=109), the study has revealed that according to the criterion of perception of the non-profit sector activities from the authorities and business within the survey more positive assessments of the authorities are recorded in the city of Vologda than in the city of Petrozavodsk. For identifying barriers to the development of cross-sector social partnership tools from the perspective of social activists themselves, the authors use materials from in-depth formalized interviews with the heads of NPOs in the capital cities of the studied regions (N=28). It has been established that partnership with authorities at the municipal level from the position of social activists themselves is developing extremely slowly and requires the development and implementation of new tools for effective development.

Keywords: municipal public policy, cross-sector social partnership, municipal level, non-profit sector, public-state partnership, local community.

Acknowledgments

The article was prepared in accordance with the state assignment for the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences for 2023, research project “Municipal public policy in Russia — 2023: opportunities for building local partner institutions and mechanisms within the framework of a single public authority”.

References

- Andrews R., Entwistle T. (2010) Does cross-sectoral partnership deliver? An empirical exploration of public service effectiveness, efficiency, and equity. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 20(3): 679–701.
- Ansari E. (2005) Collaborative research partnerships with disadvantaged communities: Challenges and potential solutions. *Public health*, 119: 758–770. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2005.01.014>.
- Avdeeva T.T. (2018) Osobennosti formirovaniya mezhsektornykh vzaimosvyazey v sel'skoy ekonomike [Features of the formation of intersectoral relationships in the rural economy]. *RPPE [RPPE]*, 12(98): 48–55 (in Russian).
- Casey J. (2015) *The Nonprofit World — Civil Society and the Rise of the Nonprofit Sector*. Boulder; London: Kumarian Press.
- Chernega A.A. (2020) «Sila mestnykh soobshchestv»: praktiki, mekhanizmy i modeli uchastiya zhiteley v sotsiokul'turnom razvitii territorii (na primere malykh naseleennykh punktov Vologodskoy oblasti) [“The power of local communities”: practices, mechanisms

and models of participation of residents in the socio-cultural development of the territory (using the example of small settlements in the Vologda region)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(3): 51–77. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.3> (in Russian).

Clarke A., Crane A. (2018) Cross-sector partnerships for systemic change: Systematized literature review and agenda for further research. *Journal of Business Ethics*, 150: 303–313.

Edwards B., Diani M., Foley M.W. (eds.) (2001) *Beyond Tocqueville: Civil Society and the Social Capital Debate in Comparative Perspective*. Hanover; London: University Press of New England, Series on Civil Society.

Efremov S.V. (2013) Otsenka gotovnosti regional'nykh organov vlasti privlekat' nezavisimyykh postavshchikov sotsial'nykh uslug [Assessing the readiness of regional authorities to attract independent providers of social services]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal management], 1: 91–109 (in Russian).

Ekman J., Amnå E. (2012) Political Participation and Civic Engagement: Towards A New Typology. *Youth & Society (YeS)*, 22: 283–300.

Feldman M.A. (2016) Povysheniye effektivnosti vzaimodeystviya organov ispolnitel'noy vlasti i institutov grazhdanskogo obshchestva v regione: institutsional'nyye aspekty [Increasing the efficiency of interaction between executive authorities and civil society institutions in the region: institutional aspects]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power], 4(60): 37–42 (in Russian).

Glass L., Newig J. (2019) Governance for achieving the Sustainable Development Goals: How important are participation, policy coherence, reflexivity, adaptation and democratic institutions? *Earth System Governance journal*, 2: 100–130.

Gorny M.B. (2011) Vzaimodeystviye nekommercheskikh organizatsiy i organov vlasti: sravnitel'nyy analiz zakonodatel'stva [Interaction of non-profit organizations and authorities: comparative analysis of legislation]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 2: 219–232 (in Russian).

Grigorieva I.A., Parfenova O.A. (2021) Sotsial'no oriyentirovannyye NKO i sotsial'nyye predpriyatiya kak drayvery razgosudarstvleniya sotsial'nogo obsluzhivaniya: bar'yery i vozmozhnosti [Socially oriented NPOs and social enterprises as drivers of denationalization of social services: barriers and opportunities]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research], 1: 7–22 (in Russian).

Guzhavina T.A. (2020) Kollektivnyye deystviya i sotsial'nyy kapital: implikatsiya kontseptsiy [Collective action and social capital: implications of concepts]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 1: 91–203. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.11> (in Russian).

Kirichek A.I. (2017) Mekhanizmy vzaimodeystviya vlasti s sub'yektami grazhdanskogo obshchestva pri organizatsii mezhsektornogo sotsial'nogo partnerstva v sub'yektakh Rossiyskoy federatsii [Mechanisms of interaction between the authorities and civil society actors when organizing cross-sector social partnerships in the constituent entities of the Russian Federation]. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravleniye* [News of the Far Eastern Federal University. Economics and Management], 3(83): 44–58 (in Russian).

Kolk A., van Dolen W., Vock M. (2010) Trickle Effects of Cross-Sector Social Partnerships. *Journal of Business Ethics*, 94: 123–137. <https://doi.org/10.1007/s10551-011-0783-3>.

Kosygina K.E. (2020) Mezhsektornoye vzaimodeystviye: tipy otnosheniy i tendentsii razvitiya v sovremennom rossiyskom obshchestve [Intersectoral interaction: types of relationships and development trends in modern Russian society]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory Development], 6(110): 50–66. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.4> (in Russian).

Kosygina K.E. (2021) Deyatel'nost' nekommercheskikh organizatsiy v kontekste teorii kollektivnykh deystviy [The activities of non-profit organizations in the context of the theory of collective action]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology], 1: 18–34. <https://doi.org/10.37279/2413-1709-2021-7-1-18-34> (in Russian).

Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V., Sekushina I.A. (2021) *Munitsipal'nyye obrazovaniya regiona: problemy i puti samorazvitiya* [Municipalities of the region: problems and ways of self-development]. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Lane J. (2000) *New Public Management*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203467329>.

Mersiyanova I.V., Benevolensky V.B. (2016) Preimushchestva NKO kak postavshchikov sotsial'nykh uslug: aprobatsiya v rossiyskikh usloviyakh [Advantages of NPOs as providers of social services: testing in Russian conditions]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal management], 4: 7–26 (in Russian).

Mosley J.E., Wong J. (2021) Decision-Making in Collaborative Governance Networks: Pathways to Input and Throughput Legitimacy. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 31: 328–345. <https://doi.org/10.1093/jopart/muaa044>.

Nikovskaya L.I., Molokova M.A. (2017) Rol' mezhsektornogo partnerstva v realizatsii potentsiala sotsial'nogo gosudarstva v Rossii [The role of cross-sector partnership in realizing the potential of the social state in Russia]. *Vlast'* [Power], 11: 1–37 (in Russian).

Nikovskaya L.I., Molokova M.A. (2018) Sotsial'noye gosudarstvo i sotsial'naya politika: vyzovy dlya nekommercheskogo sektora [Welfare state and social policy: challenges for the non-profit sector]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economics, culture], 3(56): 74–79 (in Russian).

Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. (2019) Mestnoye samoupravleniye i munitsipal'naya publichnaya politika: osobennosti i problemy razvitiya na sovremennom etape v Rossii (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Local self-government and municipal public policy: features and problems of development at the present stage in Russia (based on materials from a sociological study)]. *Sotsial'no-politicheskiye issledovaniya* [Socio-Political Research], 3: 25–35. <https://doi.org/10.24411/2658-428X-2019-10509> (in Russian).

Nisar R. (2012) Governance: With Pro-People Approach. *The Indian Journal of Political Science*, 4(73): 657–664.

Prostranstvennoye razvitiye malykh gorodov: sotsial'nyye strategii i praktiki [Spatial development of small towns: social strategies and practices] (2020) Chernysh M.F., Markin V.V. [et al.]; preface Gorshkov M.K. Moscow: FNISC RAS. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020> (in Russian).

Putnam R.D. (2000) *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.

Ressler R.W. et al. (2021) Nonprofits: A Public Policy Tool for the Promotion of Community Subjective Well-being. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 31(4): 822–838. <https://doi.org/10.1093/jopart/muab010>.

Salamon L.M., Toepler S. (2015) Government — nonprofit cooperation: Anomaly or necessity? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 26(6): 2155–2177.

Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A. (2020) Rol' sotsial'nogo partnerstva v razvitiy gorodov i mekhanizmy yego formirovaniya. Problemy razvitiya territorii [The role of social partnership in urban development and the mechanisms of its formation]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development], 4(108) (in Russian).

Smorgunov L.V. (2022) Sovremennyye tendentsii v gosudarstvennom upravlenii: ot novogo gosudarstvennogo menedzhmenta k upravleniyu publichnoy politikoy [Contemporary trends in public administration: from new public management to public policy management]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 3: 100–121 (in Russian).

Ukhanova Yu.V. (2022) *Grazhdanskoye uchastiye territorial'nogo soobshchestva: teoreticheskiye osnovy i prakticheskoye razvitiye* [Civic participation of the territorial community: theoretical foundations and practical development]. Vologda: VolSC RAS (in Russian).

Ukhanova Yu.V. (2023) Mezhsektornoye sotsial'noye partnerstvo kak osnova razvitiya malykh territoriy: vozmozhnosti i riski [Intersectoral social partnership as the basis for the development of small territories: opportunities and risks]. *Mestnoye pravo* [Local Law], 2: 33–43 (in Russian).

Vasilenok N.A., Polishchuk L.I., Shagalov I.L. (2019) Obshchestvenno–gosudarstvennoye partnerstvo: teoriya i rossiyskiye praktiki [Public-state partnership: theory and Russian practices]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2: 35–51 (in Russian).

Yakimets V.N., Nikovskaya L.I. (2018) Mekhanizmy i printsipy mezhsektornogo sotsial'nogo partnerstva kak osnova razvitiya obshchestvenno-gosudarstvennogo upravleniya [Mechanisms and principles of intersectoral social partnership as the basis for the development of public and public administration]. *Vlast'* [Power], 4: 15–25 (in Russian)

Zabolotnaya G.M., Larionov A.V. (2017) Regional'nyye praktiki institutsionalizatsii negosudarstvennykh postavshchikov sotsial'nykh uslug [Regional practices of institutionalization of non-state providers of social services]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal management], 3: 72–91 (in Russian).

Zadorin I.V., Zaytsev D.G., Klimov I.A. (2011) Grazhdanskoye uchastiye v Rossii: kartografiya problem i resheniy [Civic participation in Russia: cartography of problems and solutions]. *Politiya* [Polity], 1: 98–116.